

Священник Георгий Кочетков, А. М. Копировский

Опыт раскрытия темы «Священное Писание и Священное Предание Церкви, её писания и предания» в контексте катехизического научения современных просвещаемых

Содержанием статьи является раскрытие темы «Священное Писание и Священное Предание Церкви, её писания и предания» в процессе целостного и последовательного катехизического научения современных взрослых просвещаемых. На основании текстов Нового завета, святоотеческих творений, исследований отечественных и зарубежных богословов, а также многолетнего личного огласительного опыта, рассматриваются ключевые понятия этой темы, предлагается их детализация и систематизация. Показываются особенности связи различных пластов писания и предания с божественным Откровением и Богопознанием, указываются возможные ошибки и противоречия в их истолковании. В итоге делается вывод о необходимости донесения до катехуменов представлений о Священном Предании и Писании Церкви, её Священном писании и предании, писаниях и преданиях в их внутренней динамике и росте, а не в виде набора определений и предметов для рационального изучения.

ключевые слова: Церковь, Священное Писание и Предание, писания и предания, божественное Откровение, Богопознание, катехизация.

Исследование понятий «Священное Писание Церкви» и «Священное Предание Церкви», её «писания» и «предания» имеет в своем основании ряд кратких текстов из Библии, прежде всего таких как: «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности»^{*1} и «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим»^{*2}. Эти и другие тексты (о Писании: Мф 22:29, 14:49; Лк 24:45; Деян 1:16; 2 Пет 1:20; Рим 1:2 и мн. др.; о Предании: 1 Кор 11:2; 2 Фес 3:6) говорят о непреложном значении для Церкви самих Писания и Предания, её писаний и преданий.

^{*1} 2 Тим 3:16

^{*2} 2 Фес 2:15

Впрочем, нельзя не заметить, что количество упоминаний в Библии слова «предание» несравнимо меньше, чем слова «писание», и подавляющее большинство таких упоминаний даётся в негативном контексте: так или иначе это «предания старцев», которыми учителя ветхого Израиля «устранили заповедь Божию»^{*1}. Поэтому один из важнейших аспектов изучения этих понятий в истории церкви был связан с раскрытием и утверждением роли преданий в их соотношении с писаниями.

*1 Мф 15:3;
Мк 7:13 и др.

Авторитет предания в православной традиции всегда был чрезвычайно высок, что подчёркивалось отцами церкви. Например, св. Иоанн Дамаскин (676–749) писал: «Станем, братия, на скале веры и на церковном предании, не изменяя пределов, которые положили св. отцы наши, не давая места желающим вводить новое...» [*Иоанн Дамаскин, 409*]. Неизменность в следовании преданию церкви выделяет как характерную особенность Православия и современный богослов митр. Каллист (Уэр) [*Каллист, 204*].

Что же касается содержания Предания, то, по прп. Силуану Афонскому, Предание — это «вечное и неизменное пребывание Духа Святого в Церкви... потому Предание объёмлет собою всю жизнь Церкви настолько, что и самое Священное писание является лишь одною из форм его» [*Софроний, 96*]. Невозможность противопоставления и тем более разделения Священного Писания и Священного Предания подробно обосновал в своих трудах ещё свт. Филарет Московский [*Сухова, 110*]. Можно даже утверждать, что для православного богословия традиционно положение об их тождестве в отношении к Откровению: «Священное Предание есть такое же божественное Откровение, такое же слово Божие, как и Священное Писание»; а в плане церковно-историческом — что Предание во время от Адама до Моисея было единственным способом передачи Откровения и в этом смысле предшествовало Писанию [*Талызин, 222, 221*].

Однако, как справедливо писал прот. Анатолий Ведерников, «признание исторического приоритета устного Предания не позволяет решить всех вопросов, связанных с отношением Священного Писания к Священному Преданию» [*Ведерников, 62*]. В. Н. Лосский также отметил ряд нерешённых до конца в этой области проблем: с одной стороны, термин «предание», употреблённый без дополнительных определений, оказывается расплывчатым, смешивается с понятием «традиция»; а с другой стороны, например, у А. С. Хомякова, он сливается с такими свойствами Церкви как её единство, соборность, апостоличность [*Лосский, 61*].

Проблемы, связанные с темой «Священное Писание и Священное Предание, её писания и предания», не упомянуты в учебниках догматики, формулировки в них не дают представления обо всей её сложности, они, как правило, кратки и однозначны [Давыденков] и мн. др. Поэтому их обсуждение представляет известные трудности, что выявляется, в частности, при собеседованиях с инославными христианами [Протокол; Дронов, 21–22; Гнедич].

Но если богословские аспекты этой темы в целом как-то разрабатываются, то остаётся практически неисследованным то, как раскрывать её в контексте чрезвычайно актуальной сегодня для Русской православной церкви катехизации. Приходится с большой долей вероятности предполагать, что для современного человека определения «Катехизиса» свт. Филарета, написанного в первой половине XIX в., в котором представления о священном писании сводятся к общему содержанию Библии, а о священном предании — к передаче учения веры, таинств и обрядов [Филарет, 18–26], покажутся неполными и во многом формальными, а специальная богословская литература — слишком сложной и полемичной. В связи с этим в настоящей статье делается попытка представить с учётом сказанного выше опыт осмысления темы «Священное Писание и Священное Предание Церкви, её писания и предания» при изучении её взрослыми просвещаемыми, сознательно пришедшими к Богу и в Церковь [Мой путь 2003; Мой путь 2016], на 2-м (основном) этапе длительной катехизации [Кочетков; Традиция].

Богооткровение и Богопознание как основы Священного Писания и Священного Предания Церкви

Говорить истину о Боге, Его воле и действии можно только на основании живой веры в божественное Откровение. Сщмч. Иринея Лионский писал:

Господь не сказал, что Отец и Сын вовсе не могут быть познаны, иначе напрасно было бы Его пришествие. <...> Ибо Господь научил нас, что никто не может познать Бога, если Бог не научит, т. е. что Бог не познаётся без Бога, но чтобы Бог был познан, на это должна быть воля Отца. Ибо Его познают те, кому откроет Сын» [Иринея, 334–335]¹.

1. См. то же в другом переводе: «Спаситель отнюдь не сказал, будто познать Бога решительно невозможно, а сказал только, что никто не может познать Бога без Божественной воли, без науче-

ния от Бога, без Его откровения (кому Сын хочет открыть)» (курсив наш. — Г. К., А. К.). Цит. по: [Макарий, 72].

В священном писании и Символе веры такое Откровение нам так или иначе дано, причём дано самой Церковью, вне которой и то, и другое мертвó.

Божественное Откровение дано человеку и человечеству в их несомненном внутреннем, экзистенциальном, мистическом опыте в качестве дара божественной Истины, Свободы, Любви, Правды и Красоты. Поэтому оно — то, что никогда и никем не может быть до конца выражено какой-либо дефиницией и (или) доказано разумно, логически, и, следовательно, то, что в принципе находится вне компетенции любой науки и философии. Добытые научно-логическим путем истины могут лишь показать свою непротиворечивость с Истиной Откровения Божьего, если то и другое не искажено и верно выражено. Научные истины могут лишь приблизиться к откровенной Истине, помочь лучше её понять и выразить, но в силу своей принципиальной ограниченности — не более того.

Учение церкви, будучи внешним выражением в первую очередь именно божественного Откровения, базируется на нём. Божественное Откровение, входя в область человеческого разума и логики, став разумной и осмысленной истиной, входит в учение церкви, становясь на первоначальном уровне её *керигмой*, возвещаемой церковью всем ищущим Бога людям (однако без каких-либо объяснений), а на следующем — её *догматом* как таинством веры, возвещаемым и изъясняемым лишь верным (полным членам церкви). Само же божественное Откровение — это даже не таинство веры, это её мистическая Тайна, дающая тайное Знание².

Дарованное глубинному человеческому опыту божественное Откровение само подтверждается в нём как истинное и подлинное только через внутренний опыт *человеческого Богопознания* [Иванов]. Если божественное Откровение всегда нисходит как бы «свыше», то «на-встречу» ему и в восполнение его, как бы «снизу», по тому же пути опытного приобщения к божественной Истине, Свободе, Любви, Правде и Красоте идёт живой процесс человеческого Богопознания. Всё это и есть истинный богочеловеческий Путь.

2. «...В каком-то... глубоком — а вместе с тем по-детски простом — смысле всё в мире и вся жизнь есть откровение, всё чудо, всё — тайна... <...> И уже, конечно, на этой ступени, в этом безотчетном

опыте откровения, нужно было бы человеку признать, что не может быть у него иного источника, кроме Бога» [Шмеман, 28–30].

Любая небестолковая, достойная речь о Боге в Церкви есть результат Богопознания и призыв к дальнейшему Богопознанию, поэтому она — всегда живая, динамичная и сильная — пользуется богословием и особым, часто мифологизированным и антиномичным, языком. Если «сверху», через божественное Откровение, Церковь получает своего рода первичный материал для целостно выражающего Истину веры мистического *богословия*, то через человеческое Богопознание, она, кроме того, подкрепляется материалом для своего систематического богословия и для своей *философии*, идущей теми же путями, что и всякое богословие, в восполнение его. Но их общий главный интерес — это всегда Бог, мир, жизнь в нём и Человек (личный и соборный).

Богопознание, как и Богооткровение, всегда будучи богочеловеческим, существует лишь в человеческом сердце, в опыте его подлинной экзистенции. Поэтому основой их является встреча и общение Человека с Богом — в Любви и Свободе открытого Богу человеческого сердца (Откровение) и в Любви и Свободе открытого человеку Сердца Божьего (Познание).

Для обычного человека это невозможно, но возможно для Бога, при условии *постоянного усилия* в этом направлении жизни духовной человеческой личности: «Отныне Царство Божие силой берётся, и употребляющий усилие (но не пренебрегающее человеческой свободой насилие. — Г. К., А. К.) восхищает его»^{*1}. Только человек имеет «богосродный корень», будучи «живой иконой» Бога («образом Божьим», т. е. сообразным Богу), а потому и Богопознание возможно только в человеке, через человека и для человека (и уже как следствие этого — для всего мира и всего, что в мире). Однако даже богопросвещённый человек имеет на земле лишь *частичный* опыт Богопознания. По апостолу Павлу, здесь, на земле, мы видим «как сквозь тусклое стекло» и «знаем отчасти», а в Небесном Царстве будущего века увидим всё и всех «лицом к лицу» и «познаем так, как мы познаны»^{*2}, т. е. вполне. Но и тогда процесс духовного Богопознания будет длиться вечно, а радость Богообщения будет вечно восполняться и возрастать.

Предел человеческого Богопознания и его главный плод — Жизнь вечная, где пути Познания и Откровения окончательно сходятся и сливаются: «Вот в чём вечная Жизнь: чтобы знали единого истинного Бога и — Кого Ты послал — Иисуса Христа»^{*3}.

Сейчас же важнейшим критерием духовной опытности человека, зрелости его как личности является мера, степень его лично-

*1 Мф 11:12

*2 Ср. 1 Кор 13:12

*3 Ин 17:3 (АА)

го Богопознания, которая также определяет в человеке и степень возможного усвоения им божественного Откровения. Поэтому, в известном смысле, Богопознание само может стать Откровением Бога, а вслед за тем — и мира, жизни и человека, истинность которых тогда уже не надо будет доказывать, поскольку она в человеке и через него может быть живо показана [Булгаков, б]. Так «невидимое» становится «видимым».

Откровение непосредственное и опосредованное

Божественное Откровение может быть непосредственным и опосредованным тем или иным тварным естеством (природой). Первое обычно называется *сверхъестественным*, а второе *естественным*. Естественное в свою очередь бывает *душевно-рациональным* и *мистическим*.

Сверхъестественное Откровение даётся Богом непосредственно и прямо, лично человеку-избраннику для его личного служения. Оно всегда чрезвычайно, требует особого избранничества и поэтому редко. Естественное же, опосредованное откровение доступно в принципе всем, как в его душевно-рациональной форме, т. е. через всякого рода философские, научные и логические построения и размышления или ощущения человека, так и в форме мистической, когда «через созерцание созданий»^{*1} Бога в их добре, красоте и т. п. человеком видятся (точнее, открываются ему) «Его вечная Сила и Его Божество»^{*2}. В этом откровение вновь смыкается с познанием.

*1 Рим 1:20 (ИИ)

*2 Рим 1:20 (ИИ)

Естественного откровения всегда недостаточно, хотя в нём можно найти большие пласты Правды и даже Истины, особенно в мистическом опыте-созерцании видимого как явления невидимого. Все так называемые *естественные религии* — язычество Египта, Древней Греции, Индии, Китая и т. д. — пример ограниченности (они не знают единого, истинного, личного и благого Бога, Творца «неба и земли»^{*3}, т. е. всего мира), хотя и плодотворности откровения в своей естественной части. Сверхъестественное Откровение тоже не есть Откровение всего в Боге и мире. Оно есть личное Откровение конкретной воли (справедливости, правды) Бога и, в той или иной мере, Его Истины, которая должна исполниться через конкретного человека и (или) в нём. Поэтому оно более всего связано с конкретным служением Богу, даже с прямым посланничеством от Бога и вестничеством непосредственно от Него (т. е. с апостоличностью и ангеличностью)

*3 Быт 1:1

Его избранника как личного носителя данной богооткровенной Истины и Правды.

Итак, одна из *основ* божественного Откровения — личностная и соборная готовность человека и Церкви служить Истине.

Со стороны человека для получения и усвоения Откровения нужно дерзновенное *принятие* и *согласие* на тяготы избраннического пути его самого как соратника Бога и служителя в мире сем тем, что не от мира сего, а также исполнение его сердца *Верой, Надеждой* и *Любовью* в отношении к Богу и ближним.

Откровение даёт возможность человеку приобщиться к беспредельной полноте Истины, Правды, Добра и Красоты, к Божьей Любви и Свободе, но само это приобщение может быть на разной глубине. В порядке истории Откровение всегда ограничено, хотя цель его — добиться полноты и совершенства в приобщении к Богу и исполнении Его воли всеми, кто к этому призван (в конечном счёте — всеми людьми, всем миром).

Формы выражения и хранения Священной Истории Откровения и Богопознания

Божественное Откровение и Богопознание, будучи всегда личными, а точнее так или иначе личностными и, значит, воплощённо-духовными, всё же могут быть внешне выражены и более или менее адекватно засвидетельствованы (например, через рассказы, пересказы, записи и т. д.). Такой накопленный всем человечеством опыт фиксации и памяти истинного Откровения и Богопознания составляет *Священную Историю*, которая, будучи уже выраженной вовне и зафиксированной, является, главным образом, историей человеческой, т. е. историей того, как, когда, кому и почему пришлось послужить богооткровенной и познанной Истине.

Формами выражения и хранения Священной Истории Откровения и Богопознания являются *Священное божественное Писание* и *Священное божественное Предание*, в полноте принадлежащие всему богоизбранному Народу и хранимые им как истинной Божьей Церковью, т. е. Израилем: до времён Христа — «ветхим», а после Его Первого Пришествия — «новым».

Кратко остановимся на *Священном божественном Писании* и *Священном божественном Предании*. Божественное Писание является основной формой выражения накопленного опыта боже-

ственного Откровения, а божественное Предание — основной формой его хранения в Истине (через Богопознание)³.

Это Священное божественное Писание и Предание Церкви, вместе составляя её Священную Историю, «живо и действенно», поэтому оно «растёт»: Писание Церкви — главным образом через всё новое божественное Откровение, пророчество в ней, а Предание Церкви — главным образом через её гносис, новое в ней Богопознание, боговѣдение и боговѣдение. Это значит, что всегда (и в наше время), как Писание, так и Предание Церкви *открыты*, — но открыты они прежде всего духу и плодам богочеловеческого творчества (теургѳии через синергѳию).

Это не диалектическое саморазвитие, не «отрицание отрицания», не отрицание в противоречии с прежним божественным Откровением и Богопознанием, а стремление к их исполнению (доведению до полноты). Отсюда постоянная внутренняя *преемственность* Писания и Предания Церкви в процессе экзистенциального их «роста» и развития. В этом процессе не должно быть никаких разрывов, не должно быть такого нового Откровения или такого нового Богопознания, которое противоречило бы прежнему^{*1}. Преемственность предполагает лишь углубление и расширение, но не разрыв и взаимоисключение.

*1 Гал 1:7–9

Ошибки в восприятии божественного Откровения

В непосредственном, а тем более в опосредованном восприятии и выражении человеком божественного Откровения всегда возможны *искажения и ошибки*, как глубокие, так и поверхностные, легко устранимые и почти неустранимые, типичные и уникальные.

Наиболее типичные из них и почти неизбежные — это «*фоны*», или «*шумы*»: культурный, исторический, социальный, психический и т. п., т. е. всё телесное, душевное и человеческо-духовное, не вполне проникшееся Божественно-Духовным или не вполне верное ему.

В меньшей степени возможны ошибки и в процессе Богопознания.

3. «Священное Писание не глубже и не важнее Священного Предания, но... одна из его форм. Форма эта является ценнейшей и по удобству сохранения её, и по удобству пользования ею; но,

изъятое из потока Священного Предания, Писание не может быть понято как должно никакими научными исследованиями» [Софроний, 96].

Наиболее типичными являются следующие:

- *смещения*, особенно «рациональные», например, Бога с человеческим или «иным» сознанием (разумом), как в философском идеализме; или «мистические», например, трансцендентального (космического, ангельского, «демонического», «звериного») с трансцендентным (истинно божественным, т. е. не только надмирным, но и сверхмирным), как в пантеизме Дальнего Востока и политеизме;
- *разрывы*, также особенно «рациональные», например, Бога и мира, как в деизме, и по существу в атеизме; или «мистические», например, «разрывы» в самом Боге, как в нехристианском гностицизме, дуализме, в арианской и некоторых других ересьях;
- более или менее сознательный *отказ* от какой-либо части уже данного Богом подлинного Откровения, например, о внутрибожественной троичной Жизни, как в современном иудаизме или исламе;
- соблазн данное ранее Откровение и имеющийся опыт Богопознания считать *исчерпывающими*, как это нередко бывает в религиозном фарисействе и фундаментализме или интегризме, в том числе и в христианском.

В истории человеческого Богопознания существенное место когда-то занимали так называемые *доказательства бытия Божьего* [Казарян]. Как свидетельство активности и дерзновенной храбрости человеческого разума на пути Богопознания они имели и имеют положительное значение. Но как попытка схоластического определения в принципе Неопределяемого (посредством одних лишь категорий мира сего), выведения Свободы из необходимости (а доказать — и значит показать необходимость кого-то или чего-то как следствия) и Большого из меньшего (как эпифеномена из феномена), как попытка рационализации и утилитаризации «бытия Божьего» любое «доказательство» этого бытия непригодно и неистинно.

Главный путь Откровения в Церкви — профетизм, *пророчество*, а Богопознания — *гносис*. Присущие по-своему всем верующим в Бога, эти пути становятся основными в жизни пророков Божьих и христианских гностиков, несущих в Церкви соответствующие служения.

Доведённое до предела («конца» — «эсхатона») пророчество превращается в *апокалиптику*.

Пророчество и христианский гнозис как основы познания Священного Писания и Священного Предания

Путь пророчества и Божьих пророков более всего связан со Священным Писанием и жизнью «на земле» в Христовой Истине, а путь гносиса и истинных гностиков (которыми должны были бы быть все христиане, как сказано в Писании и у Климента Александрийского ещё в начале III в.⁴) более всего связан с опытом и благодатью Священного Предания и жизнью «на Небесах» по Дару Духа Святого.

Выдающийся русский богослов и мыслитель первой половины XIX в. *Алексей Степанович Хомяков*, к сожалению, недостаточно оцененный у нас до сих пор, писал, что Священное Писание Церкви — это «всякое Писание, которое Церковь признает своим» [*Хомяков 1994б, 9*], т. е. соответствующим её Священному Преданию, её опыту Богопознания.

В Церкви между Священным божественным Писанием и Преданием, как и между истинным божественным Откровением и истинным Богопознанием, есть и должно быть *полное взаимодействие*. По определению А. С. Хомякова: «Писание — не иное что, как Предание писанное, а Предание — не иное что, как Писание живущее» [*Хомяков 1994а, 47*], т. е. божественное Писание — это пророчески выраженное божественное Откровение, а божественное Предание — это пронизывающие всё Писание божественные Жизнь и Дух.

Из этого видно, что и Писание, и Предание «живы» только в *полноте Церкви* и вне её не существуют, кроме как отдельные исторические, культурные, литературные, национальные и т. д. человеческие явления и памятники. Например, Библия для неверующего человека является только таким памятником, а для нас она — великий дар и плод Священного божественного Писания и Предания.

Как писал А. С. Хомяков, ссылаясь на свт. Григория Чудотворца Неокесарийского, «только тот может понять пророка (а значит, и Писание. — *Г. К., А. К.*), кто сам пророк» [*Хомяков 1994а, 46*], т. е. кто имеет от Бога дух пророческий, и кто живёт в живом Предании и, значит, в Церкви. Таким образом, для христиан не должно

4. «...Для Климента христианский “гнозис” есть понятие положительное, предполагающее известный элитизм или (как говорил Н. А. Бердяев) “аристократию духа”...» [*Мейендорф, 84*].

быть рационального или протестантско-сектантского *противопоставления* божественного Писания божественному Преданию: не Писание *или* Предание, а *вместе* — Писание *и* Предание, Слово *и* Дух, Откровение *и* Познание являют нам Полноту Духа и Истины в Боге и Церкви. Только необходимо учесть, что Слово и Дух — не то же, что *буква и Дух*, которые в Церкви противопоставляются как противоречащие друг другу.

Раскрытие Священного божественного Предания и Писания в Церкви и церкви

Главным модусом осуществления в церкви божественного Предания Церкви является Священное *церковное* предание, а божественного Писания Церкви — Священное *церковное* писание, т. е. церковное предание и писание, признанные вполне, целиком и до конца освящёнными Богом и Церковью в церкви. Такая освящённость церковного предания и писания не исключает *человеческого* элемента в них и даже предполагает его, ибо Церковь — Тело Христово, которое, как и Он Сам, не просто божественно, а богочеловечно. И хотя по *церковно-божественному* Домостроительству (Икономии) и Смотрению Священное божественное Писание и Предание неограничены, неопределяемы и открыты к их росту и совершенствованию, Священное церковное писание и Священное церковное предание по строгой *церковно-человеческой* дисциплине (акривии) ограничены, вполне определены и, значит, закрыты. Отсюда перед нами встаёт и *проблема* дальнейшего выяснения смысла и соотношения двух триад: как Священного божественного Писания, Священного церковного писания и писаний церкви, так и Священного божественного Предания, Священного церковного предания и преданий церкви.

Всякое *вообще* «*писание*» — это то, что начертано, записано, выражено словом или каким-либо иным знаком, а всякое *вообще* «*предание*» — это тот дух, что с этим начертанием и записью, словом или знаком (или в этих слове и знаке) по духу и смыслу передаётся.

Такие «*писание*» и «*предание*» отличаются от своего глубинного корня — Священного божественного Писания и Предания.

Священное божественное Писание Церкви — это весь живой, актуально (действенно) и потенциально (памятно) явленный в Церкви смысл и логос божественного Откровения. *Полнота* божественного Писания дана Богом в Иисусе Христе — в едином

Живом Евангелии, Письме Бога-Отца «граду и миру», в единственном Человеке, исполненном всего божественного Откровения (так приоткрывается нам Тайна Его особой личностной экзистенции, а по старой эллинистическо-догматической терминологии — сугубой (т. е. двойной, двойственной) «природы», исполненной и Божества, и человечества), в воплощённом (не просто в звуке слова, а в конкретном Человеке, а потому и вочеловечившемся) Слове Божьем, а значит, и в Теле Христовом, в полноте Его Церкви, в также исполненном и вечно живом «Письме Христовом»^{*1}.

^{*1} Ср. 2 Кор 3:2

Священное церковное писание — это конкретное собрание таких словесно-знаковых систем, которые неизменно освящены и признаны «своими» в Церкви горней (мистическом богочеловеческом Теле Христовом), а в жизни человека и мира — церковью дольней (мистериальными и каноническими церковными институтами, например, на литургии, церковными соборами и отдельными святыми отцами) в процессе церковной и общечеловеческой истории. Его *полнота* дана в слове Божьем — в Библии, т. е. в письме Христовом от Церкви и для Церкви, т. е. от апостолов и пророков для всех Божьих чад и для Божьего мира.

Писаниями же Церкви будут все остальные подобные тексты и другие словесно-знаковые системы (проповеди, иконы и т. д.), имеющие хоть какое-либо положительное духовное значение в жизни Церкви горней, богочеловеческой, и более или менее освящаемые и признаваемые «своими» церковью дольней, вплоть до соответствующих словесно-знаковых творений всякого верного христианина из «малых сих».

Священное божественное Предание — это продолжающееся в Церкви «дыхание Жизни», весь живой, также актуальный и потенциальный, церковный опыт (дух и *νοῦς*-разум) Богопознания, молчаливый дар Духа Святого, животворящего всё в этом опыте и утверждающего его как истинный. *Полнота* божественного Предания дана в жизненной полноте дара Духа Святого, и значит, в полноте единой жизни Его единственной Церкви.

Священное церковное предание — это дух тех конкретных словесно-знаковых систем, которые составляют Священное церковное писание; это дух той богочеловеческой жизни Церкви, который был исторически выявлен церковью как неизменная священная основа (неизменный священный принцип) всей человеческой жизни, всей Церкви и мира. Его *полнота* дана в евангельском (библейском) духе, т. е. в духе истинно апостольской

и пророческой веры и жизни, на котором созидается вселенская святая церковность и освящаемая и преображаемая космичность.

Предания же Церкви — это все остальные более или менее освящённые Истиной духовные принципы конкретно-исторической богочеловеческой и человеческой жизни Церкви и церковей со всеми их живыми традициями. Церковные писания и предания всегда неполны и обычно имеют частное значение.

Православие как конфессия по преимуществу сориентирована на Церковь Священного божественного Предания (а не церковь преданий, как многие думают, смотря на неё извне), на Церковь Духа Святого, церковь библейско-евангельского духа, Церковь традиции апостола Иоанна-богослова, Церковь Богопознания (гно́сиса) и потому часто — догмы. Но нередко это осуществляется в ущерб и за счёт Священного божественного Писания в ней, за счёт реальности Богочеловека и воплощённости Богочеловечества, традиции апостолов Иакова-праведника, Петра-исповедника и учителя-катехизатора и Павла-пророка, в ущерб божественному Откровению. Чтобы являть собой *полноту Православия*, Церковь должна быть тождественна и синонимична истинному и полному Христианству, соединившему обе основные стороны жизни Восточной и Западной церковей в их гармонии и единстве жизни во славу Божью.

Священное церковное писание: Библия, Творения отцов церкви, соборное и личное творчество её членов — писания церкви

Теперь остановимся на Священном писании и писаниях церкви, её Священном предании и преданиях подробнее.

Священное церковное писание — это Библия, содержание которой в ней самой описано так: «Всё писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для воспитания в праведности, дабы Божий человек обладал всем необходимым, чтобы быть готовым на всякое доброе дело»^{*1}. *Богодухновенность* Библии как Священного писания церкви — явление не формальное, а исключительно духовное. Оно означает внутреннее соответствие, адекватность Священного писания церкви её истинному Священному преданию и в принципе непротиворечивость этого писания её истинному Священному божественному Писанию и Преданию. Божественное Откровение, записанное в Священном писании как его Священная история, не было

^{*1} 2 Тим 3:16–17
(ИИ)

«продиктовано» или магически внушено Духом Святым, но было выражено устным и письменным словом людьми, живущими в этом Духе и получившими в какой-то конкретной ситуации своей жизни дар приобщения к такому Откровению.

В отличие от Священного церковного писания (Библии), которое в церкви едино и единственно, *писания церкви* многообразны. Они содержат бóльший элемент человеческих открытий и, в отличие от божественного Откровения, бóльше схоластического и академического богословия и выводов от человеческой культурной и духовной традиции, от ума и логики.

Писания церкви — это прежде всего *писания её отцов*, тех, кто был ею канонизирован, т. е. причислен к лику святых. К этому виду писаний относятся писания многих мужей апостольских и апологетов, святых учителей церкви, отцов-аскетов, отцов-догматистов и канонистов, в том числе отцов — деятелей, признанных церковью вселенских и поместных соборов. Сюда же относятся писания святых отцов — авторов литургических последований (чинов) и молитв, творцов святых храмов и икон, песнопений и проповедей.

Близки к ним писания церкви, являющиеся плодом её *соборного* творчества, прежде всего многие *литургические чины и символические тексты*, такие как наш Символ веры. Кроме них это также православные «символические книги»: «Послание восточных патриархов», «Православное исповедание» свт. Петра Могилы и «Катехизис» свт. Филарета Московского. Далее следует отметить писания церкви, которые хотя прямо и не принадлежат святым отцам, но, несмотря на спорные места, высоко ценятся церковью по их содержанию или положительной роли в церковной истории. Сюда следует отнести лучшие *апокрифы* и писания, например, таких церковных *учителей*, как Тертуллиан, Климент Александрийский и Ориген; или церковных *историков и летописцев*, начиная с Евсевия Кесарийского; или авторов лучших школьных *лекций, курсов и учебников*, творческих деятелей церковной *науки, философии и богословия* (как академических и систематических, так и критических и иных), христианской публицистики и критики, представителей эпистолярного жанра и т. п.

И наконец, к писаниям церкви можно отнести и такие тексты, которые хотя и уступают по своему духовному уровню и в чём-то погрешительны, но всё же принадлежат *ревностным и верным* христианам. Это могут быть также апокрифы (кроме однозначно еретических) и те же писания, которые типологически могли бы

войти в предыдущую группу, но оказываются ниже их по духовному и творческому (а значит, также по культурному и профессиональному) уровню.

Очевидно, что не всё в писаниях церкви равно священно не только при сравнении этих четырех групп, но даже внутри них: часто не равно священны даже писания одного и того же святого отца, не говоря уже о литургических текстах и в ещё большей степени обо всём остальном. Впрочем, так же не равны по своей духовной глубине и ценности даже тексты самого Священного церковного писания — Библии.

Вообще нам следует помнить, что границы между Священным писанием и писаниями церкви условны и относительны. Не случайно догматические определения Вселенских соборов, как и откровения некоторых икон и молитв, ценятся и хранятся практически на одном уровне со Священным писанием. Как свидетельствует об этом В. Н. Лосский:

Иконы Христа, так же как и догматические определения, могут быть сближены со Священным Писанием и получить то же почитание, потому что иконография показывает в красках то, о чём написанными буквами благовествуют слова [Лосский, 76].

Все писания Церкви, как и само Священное церковное писание, согласно 1 Ин 1:1–5, равно возвещают о Слове Жизни, о Жизни вечной, о Боге-Свете. Все они равно существуют, «чтобы, — по словам святого апостола Иоанна Богослова, — вы имели общение с нами, а наше общение — с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом»^{*1} и «чтобы радость ваша была полна»^{*2}.

В Писании также сказано и о церковных преданиях: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или через слово, или через послание наше»^{*3}. Это значит, что Писание и писания церкви должны учить её Преданию и преданиям, в чём и заключается для нас их главный смысл и значение.

Ошибки и «противоречия» в Священном церковном писании и в церковных писаниях

Итак, абсолютно священным является только Священное божественное Писание, тогда как даже в освящённом церковью до конца Священном церковном писании имеется неизбежный

*1 1 Ин 1:3 (КБ)

*2 1 Ин 1:4 (КБ)

*3 2 Фес 2:15
(КБ)

чисто *человеческий* элемент. Но он никогда «не вменяется» Богом и Церковью в грех, неправду и неистинность (ср. Пс 31:1–2: «Блажен, кому отпущены беззакония / и чьи грехи прощены! / Блажен человек, кому Господь не вменит греха...»). Однако церковные писания бывают слишком тесно связаны с историческим процессом, зависят от него и потому в своём содержании часто погрешают, в отличие, в известных пределах, от всего Священного церковного писания.

Отсюда возникает, но также и решается, проблема «ошибок» (исторических, географических и т. д.) и «противоречий» не только в писаниях всякого рода (у свв. отцов, в деяниях церковных соборов и т. д.), но и в Библии. Их надо видеть и уметь правильно понять и объяснить, почему их наличие не противоречит священности всех церковных писаний и богодухновенности Священного церковного писания.

Всякое писание, поскольку оно выражается человеческим языком или иными человеческими средствами, несёт в себе элемент ограниченности и относительности. В Священном писании такой элемент называется «буквой», о которой апостолом Павлом говорится, что «буква убивает, а Дух животворит»^{*1}. В Священном церковном писании, как и во всех писаниях, нам важна не их объективированная и ограниченная «буква», а именно *Дух*, выраженный *Словом* в слове: «Слова, что Я вам говорю, это Дух и жизнь»^{*2}; «[Христос]⁵ сделал нас способными быть служителями Нового Завета, не буквы, но Духа»^{*3}. Поэтому для нехристиан Библия *не существует как священный* и тем более «*богодухновенный*» текст.

*1 2 Кор 3:6

*2 Ин 6:63 (АА)

*3 2 Кор 3:6 (КБ)

В процессе истории, в том числе христианской, часто или смешивались, или слишком резко противопоставлялись как в принципе противоречащие друг другу, области веры и объективного знания, *наука* и *Библия*. Но, по словам великого русского учёного XVIII в. М. В. Ломоносова, научная правда и вера «суть две сестры родные, дочери одного Всевышнего Родителя», как бы два крыла, возводящие к Богу, и они «никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет» [Ломоносов, 476]. С другой стороны, он же, признавая это, сказал:

5. В квадратных скобках даны вставки авторов статьи. — *Прим. ред.*

Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет Божескую волю вымерять циркулем. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтири научиться можно астрономии и химии [Ломоносов, 478].

Выяснению отношения божественного и человеческого в Священном писании и церковных писаниях может помогать и наука, когда она объективно ведёт, например, исследование Священного писания литературно-критическим или научно-историческим методом. Результаты таких исследований могут иметь большое значение независимо от того, кому они принадлежат, православному ли, католику или протестанту, верующему иных религий, агностику или даже атеисту. Другое дело, что в толкованиях ими своих научных результатов, даже относительно истинных, могут ощущаться, хотя это и не обязательно, неприемлемые для нас философские или богословские взгляды и позиции.

Наиболее *типичные злоупотребления* Священным церковным писанием и писаниями церкви следующие:

- *формальная цитация* вне смыслового контекста и духа данного текста;
- *произвольность обращения* с текстом, выражающаяся в произвольном выборе одних текстов за счёт других, или в противопоставлении их в угоду той или иной концепции, или в произвольных восполнениях и исправлениях текста, или в произвольных и тенденциозных толкованиях признаваемого церковным текста в ущерб его подлинному смыслу и духу.

В то же время это не отрицает того, что, по словам апостола Павла, «должны быть у вас [и] расхождения во взглядах (в том числе на Священное писание. — Г. К., А. К.), чтобы было ясно видно самых опытных среди вас»^{*1}, т. е. более искушённых в вопросах веры. А по св. Иоанну Златоусту, «нам [вообще] не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом Святым. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путём» [Иоанн Златоуст, 5]. Но при этом нам надо не забывать об *уникальности* данного в Священном писании божественного Откровения и посему в идеале лишь о церковном его употреблении.

^{*1} 1 Кор 11:19
(ИИ)

Уровни понимания божественного Откровения

В связи с этим надо представлять себе разницу между *индивидуально-личным* и *церковно-соборным* пониманием божественного Откровения. Эта разница проявляется, по словам крупнейшего русского церковного историка конца XIX в. проф. В. В. Болотова, в различии между: его *толкованием*, т. е. таким его пониманием, которое, наподобие догмата, признаётся всею Церковью (а хорошо, если ещё и церковью) лучшим из имеющихся выражением общецерковной истины, хранимого ею божественного Откровения; его *трактовкой*, которая, наподобие теологумена, обладает авторитетом хотя и не общецерковно-значимого выражения истины Откровения, но соизмеримого со святоотеческим, что означает, что она может быть широко распространена в церкви, оставаясь необязательной для всех, и что их может быть несколько по одному вопросу; наконец, его *индивидуально-личным пониманием*, которое, наподобие частного богословского мнения, может существовать в немногих, но также иметь свой авторитет в церкви и даже известное значение в Церкви, хотя оно ещё не получило своей оценки, признания и определённого освящения, не прошло проверки Духом Жизни и даже временем (о различии догмата, святоотеческого теологумена и частного богословского мнения см. статью В. В. Болотова «К вопросу о *Filioque*») [Болотов, 31–36]. «Неудачи» же на уровне индивидуального понимания, частного мнения — не ересь, а неопытность и незрелость в вере или невежество и глупость ума, и их нетрудно в случае нужды показать и опровергнуть. Поэтому, изучая и вникая в писания церкви, особенно в её Священное писание, не надо бояться заблуждений и ошибок, надо лишь уметь за них не держаться, всегда идя вперёд к Богу и стараясь обрести на этом пути истину Его Откровения на высшем духовном уровне его толкования.

В чём выражается Священное предание церкви

Итак, все писания церкви учат её преданиям и выверяются ими. *Священное предание* церкви главным образом выражено в её Священном писании. Оно само есть то, что можно было бы назвать духом Священного писания, духом Библии, т. е. библейским, евангельским духом, главным модусом осуществления в церкви

того, что называется духом христианства и духом церкви, духом полноты православия (включающего в себя дух всех писаний церкви и являющего полноту церковного предания, которое есть Священное предание церкви и её предания). Священное предание церкви выражается поэтому и через её кэригму, и через её догму в главных, неизменных и неотъемлемых *духовных принципах христианской жизни*.

Основным примером таких принципов жизни может служить церковность (*общинность*) христианства как новой жизни во Христе Духом Святым и, следовательно:

- его единство (и единственность), святость (выделенность для Бога из «мира сего» и неотмирность), соборность (и кафоличность как вселенскость и универсальность), а также основанность «на апостолах и пророках» (апостоличность);

- его спасительность для всех и всего, кто и что не против Бога и за Него, кто отвергается себя, берёт свой крест и следует за Христом, кто стремится к совершенству и полноте общения с Богом и ближними;

- его основанность на Тайнах (и таинствах) вечной Жизни в Боге, к которым требуется соответствующее усиленное предуготовление, входящее в духовную полноту самих этих Тайн (и таинств), например, по типу оглашения в таинстве просвещения-крещения во имя Божье, Отца и Сына и Святого Духа, но прежде всего — во имя Иисуса Христа, или по типу рассуждения о теле и крови Господних в таинстве евхаристии, или обручения в таинстве брака по образу союза Христа и Церкви и т. д.;

- его литургичность и евхаристичность в причастности (приобщённости) Самому прославленному Христу, Который ради нас есть Вера, Надежда, Любовь, Свобода, Свет, «Путь, Истина и Жизнь»^{*1}, есть Слово-Хлеб, Отцом рождённое во чрево Недр наитьем Духа=Исхожденья;

- его устройство в соответствии со служениями теми творческими дарами Духа Святого, которые каждый из христиан сам лично и личностно получил.

Благодаря живому Священному преданию церкви её Священное писание, как слово Божье, всегда «живо... и действительно и острее всякого обоюдоострого меча; оно проникает до мозга костей, до границы души и духа, оно судит о сердечных помышлениях и намерениях»^{*2}.

*1 См. Ин 14:6

*2 Евр 4:12 (ИИ)

Виды церковных преданий

Все писания и предания церкви отличаются от её Священного писания и предания, несмотря на то, что все творцы писаний и преданий стремятся максимально сблизиться с ними. В преданиях церкви, кроме Духа Святого, проявляются и иные, часто не противоречащие Ему, духи того или иного народа, нации, своего места и времени, социума, культуры, в них больше относительных и временных элементов, больше не божественного, а человеческого духа и познания (т. е. результатов познания второго рода — от «древа познания добра и зла»), в том числе философского.

Основные виды преданий церкви, соответствующие основным видам её писаний, следующие:

- дух жизни святых отцов церкви, более других выражающий принципы их духовной святости и традиционности (отечества, генетической преемственности), а подробнее — их апостолата, защиты веры, учительства, подвижничества, догматического богопознания, деятельной любви, соборности и консилиарности, литургического, иконографического, музыкального и гомилетического творчества;
- дух не лично-святоотеческого, но близкого ему соборно-общецерковного творчества: символического, литургического, иконографического, музыкального, богословского и т. д.;
- дух околоцерковного творчества высшего напряжения и уровня, особенно плодотворный в учительской и культурной сфере жизни;
- дух околоцерковного и христианско-бытового, часто тоже традиционного, творчества среднего и ниже напряжения и уровня, имеющий ещё более локальное значение.

Все эти и подобные им предания церкви, её традиции могут быть выражены в жизни христиан в определённом месте и времени, причём в жизни как личной, так и групповой, как в общинной, церковно-приходской, так и во вселенско-церковной. Они могут быть выражены письменно, но могут нигде и никак, кроме данного опыта духовной практики христианской жизни, не выражаться. Они могут жить века и тысячелетия и отмирать очень быстро. Они могут существовать как на всех уровнях церковно-институциональной, так и неинституциональной жизни, быть общецерковными и местными. Очевидно, что в преданиях церкви, как и в её писаниях, не всё равно священо и ценно; что

граница между Священным преданием и преданиями, так же как и между Священным писанием и писаниями, условна и относительна.

Противоречия между Священным преданием церкви и её преданиями

Священное предание и предания церкви несут в себе, подобно её Священному писанию и писаниям, не только божественный, но и иные духи — духи земли, земной (биологической) жизни и человека. Насколько эти духи принципиально не противоречат Духу Божьему, насколько они не повреждены (чисты) и воцерковлены, они находятся в полном *единстве* друг с другом, если же они недовоцерковлены или просто случайны в церкви — они могут входить в явные или тайные *противоречия* между собой. Иногда вскрыть эти противоречия помогает исторический опыт церкви. Так, имевшие сначала равную силу постановления церковных соборов были позже разграничены на фундаментально-вероучительные (*догматы*), которые со временем почти не менялись, а лишь разрабатывались, и дисциплинарно-организационные (*каноны*), которые с переменой времени и места ослабевали и даже подчас прекращали свое существование [Афанасьев]. Это не случайно: всякое предание церкви, как и всякое её писание, будучи неразрывно связано с человеком как возможным средоточием всех духов, неизбежно несёт на себе печать *ограниченности и относительности* (что ещё не обязательно означает — греховности).

Одной из возможностей разрешения противоречий между разными пластами имеющегося в нашей церкви церковного предания является возрождение в церкви полноты её «*синаксарной*», т. е. учительно-общинной, личностной и неиерархической, но существующей чаще всего только для «своих Богу»^{*1} и Церкви членов, традиции. Она ныне обычно подавлена грузом иной («*эклесиастической*») традиции, обращающей большое внимание на индивидуалистические различия, согрешения и грехи и не доверяющей всем своим членам как свободным и духовным личностям, а кроме того, обычно имеющей ещё дело с «чужими Богу» и Церкви членами. Однако обе эти традиции восходят к началам Священного предания церкви, и не должны противостоять одна другой.

Следы более древней, «*синаксарной*» традиции церкви многочисленны по сей день. Она доныне лежит в основе всех наших

*1 Еф 2:19

основных храмовых богослужений, за исключением таинств и особенно евхаристии, точнее, лишь её главной части — Литургии верных, всегда требующей особого иерархического лица — предстоятеля — как одного из «старейшин» данной церкви. Она же проявляется во всякого рода молитвенных собраниях, в том числе монашеских и протестантских, в домашних и групповых молитвенных, ново- (и ветхо-) заветных, житийно-воспоминательных и тому подобных встречах, поминках, на братских трапезах и т. д. Внутри этой «*синаксáрной*» традиции собственно «церковная» иерархическая традиция бывает необходима только у внешних границ церкви, в её «притворе», и у её внутренних границ, где церковь имеет дело с ещё в какой-то степени чужими ей по духу и смыслу людьми или с ещё неполными своими членами: оглашаемыми, новопросвещёнными и иными, например, кающимися, т. е. людьми, требующими особого исправления и укрепления своей христианской веры и жизни.

Истинность любой традиции в церкви, её преданий и самого её Священного предания *проверяема* лишь единым Духом и Истиной Священного божественного Предания. По определению В. Н. Лосского, эта Истина — христианское Откровение, которое «и разум, и чувства преобразует в свете Духа Святого — в том Предании, которое есть единственный модус восприятия богооткровенной Истины, единственный модус выраженную в догмате или иконе истину узнавать, а также и единственный модус вновь её выражать» [Лосский, 76].

Злоупотребления преданиями церкви возможны лишь при неразличении духов, смешении и неразумении преданий разной ценности, при недолжном противопоставлении их и некритическом заимствовании чуждого предания, а также при забвении важнейшего и божественного ради малозначительного и человеческого. Искажению и сектантской гипертрофии преданий церкви соответствует их принижение, непонимание и отрицание, основанное на путанице и незнании сути и различий между церковными и прочими преданиями, Священным церковным преданием и Священным божественным Преданием Церкви.

Какой же мы можем из этого сделать вывод, что же передаётся Церковью как её Предание?

По определению святителя Московского Филарета, истинное и святое Предание не есть «просто видимое и словесное предание учения, правил, чиноположений, обрядов (т. е. писаний, тоже

переданных нам церковью. — Г. К., А. К.), но с сим вместе и невидимое, действительное преподавание благодати и освящения»⁶. Это определение сущности Предания было развито В. Н. Лосским:

Если Писание и есть всё то, что может быть сказано написанными или произнесёнными словами, если всё это — различные способы выражать Истину, то Священное Предание — единственный способ воспринимать Истину. <...> Оно — не содержание Откровения, но свет, его пронизывающий; оно — не слово, но живое дуновение, дающее слышание слов одновременно со слушанием молчания, из которого слово исходит; оно не есть Истина, но сообщение духа Истины, вне Которого нельзя познать Истину. <...> Итак, мы можем дать точное определение Преданию, сказав, что оно есть жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем ей свете, а не в естественном свете человеческого разума» [Лосский, 67].

В сообщении этой способности, в её передаче (т. е. Предании) нет автоматизма. Однако необходимо творческое усвоение всего церковного опыта Богопознания на всех его уровнях, которое и даёт возможность обрести способность рассуждать в свете Духа Святого, а не только по собственному разумению. Поэтому прп. Серафим Саровский целью христианской жизни назвал «стяжание Святого Духа Божьего», объявив всё остальное — «молитву, пост, бдение и всякие другие дела христианские» — к тому лишь средствами [Серафим, 101–102].

Таким образом, способность воспринимать Истину основывается на нашей живой вере — не на слепой фанатичной покорности Богу и Его воле, но на стремлении к живому Богу и внутреннем ощущении Его как Господа Бога, сотворившего мир и человека; Бога, Которого мы не случайно называем нашим Отцом. Эта вера не только приводит нас всё ближе к Нему, но и ведёт за Ним, ибо, по словам епископа Таврического Михаила (Грибановского): «Вопрос не в том, что мы признаём, а в том, за чем (в данном случае, за Кем. — Г. К., А. К.) мы идём» [Михаил, 172].

Такая вера созидает нашу жизнь в зависимости от глубины и полноты познания нами Бога. По словам В. Н. Лосского, «здесь горизонтальная линия “преданий”, полученных из уст Спасителя и переданных апостолами и их преемниками, скрещивается с вертикальной линией Предания, с сообщением Духа Святого, в каж-

6. Цит. по: [Флоровский, 178].

дом слове откровенной Истины раскрывающим перед членами Церкви бесконечную перспективу Тайны» [Лосский, 64–65].

В перспективе же нам как православным ещё необходим новый *общечеловеческий синтез* уже сложившихся в Церкви путей: путей божественного Писания и Предания, а также пути очищения преданий и строгого следования преданиям церкви, в том числе Священному преданию, и пути активного вмешательства в современную жизнь и нового творчества, руководствуясь исключительно Священным божественным Преданием, — условно говоря, пути свт. Феофана Затворника и пути Николая Бердяева⁷.

В заключение подчеркнём, что дать общее понятие о составе и основных подходах к правильному пониманию в катехизическом аспекте темы «Священное Писание и Священное Предание Церкви, её писания и предания» представляется возможным лишь на основе богословского синтеза, проведённого в XX в., в единстве и противоречии божественного и человеческого, избегая схоластического и конфессионально-полемиического акцентов, идеологизации и упрощения глубочайших богословских понятий.

Главной задачей катехизатора, при всей сложности и проблематичности этой темы, остаётся донесение до катехуменов смысла православно-христианских представлений о Священном Предании и Писании в их внутренней динамике и жизненном росте, а не как набора правильных, но отдельных, внешних по отношению к их менталитету и духовному опыту определений.

С этой целью в нашей статье было предложено завершить систематизацию названных понятий, отчасти намеченную В. И. Талызиным (Священное, или Апостольское предание — церковное предание — церковные обычаи) [Талызин, 222] и В. Н. Лосским (Предание — предания) [Лосский, 62], и рассматривать её в виде двух триад. Первая триада: Священное божественное Писание (всё содержание Богооткровения) — Священное церковное писание (Библия) — писания церкви (тексты и образы, имеющие значение в жизни церкви). И, соответственно, вторая триада: Священное божественное Предание (весь опыт Богопознания) — Священное церковное предание (духовное содержание Священного церковного писания — Библии) — церковные предания (освященные принципы жизни церкви и церквей и их живые традиции). Такое деление позволяет, на наш взгляд,

7. См.: [Колесов].

не столько разграничить их, сколько показать наличие в них различных духовных пластов и одновременно подчеркнуть их полное внутреннее единство. Дальнейшая разработка названной темы предполагает поиск различных вариантов её раскрытия в зависимости от конкретных условий катехизации (длительности катехизического цикла, состава группы, степени подготовленности катехизатора и т. д.).

Литература

1. *Афанасьев* = Афанасьев Николай, протопр. Неизменное и временное в церковных канонах // Живое предание : Православие в современности. М. : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 92–109.
2. *Болотов* = Болотов В. В. Тезисы о «Filioque» // Он же. К вопросу о Filioque. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1914. С. 29–73.
3. *Булгаков* = Булгаков Сергей, прот. Об откровении // Вестник РХД. 1983. № 140. С. 5–17 (вторую часть статьи см.: Вестник РХД. 1984. № 141. С. 57–71).
4. *Ведерников* = Ведерников Анатолий, прот. Проблема Предания в православном богословии // ЖМП. 1961. № 10. С. 61–71 (первую часть статьи см.: ЖМП. 1961. № 9. С. 42–49).
5. *Гнедич* = Гнедич Петр, прот. О православном понимании Предания (по поводу сообщения о работе комиссии «Предание и предания» Всемирного Совета Церквей) // ЖМП. 1963. № 3. С. 43–50.
6. *Давыденков* = Давыденков Олег, прот. Догматическое богословие : Учебное пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. 622 с.
7. *Дронов* = Дронов Михаил, прот. Писание и Предание // ЖМП. 1993. № 11. С. 9–25.
8. *Иванов* = Иванов М. С. Богопознание // Православная Энциклопедия. Т. 5. М. : Православная Энциклопедия, 2002. С. 476–486.
9. *Иоанн Дамаскин* = Иоанн Дамаскин, св. 3-е защитительное слово против отвергающих святые иконы // Он же. Полное собрание творений. Т. 1. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1913. С. 390–441.
10. *Иоанн Златоуст* = Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Толкование на святого Матфея Евангелиста : В 2 т. Т. 1. М. : Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. 471 с.
11. *Иринеи* = Иринеи Лионский, свт. Против ересей // Он же. Против ересей: Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенский, Н. И. Сагарда. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. 672 с. (Библиотека христианской мысли. Источники).

12. *Казарян* = Казарян А. Т. Доказательства Бытия Божия // Православная Энциклопедия. Т. 15. М. : Православная Энциклопедия, 2007. С. 555–573.
13. *Каллист* = Каллист (Уэр), еп. Диоклийский. Православная Церковь. М. : ББИ св. ап. Андрея, 2001. 374 с. § 10 : Священное предание: источник православной веры. С. 203–215.
14. *Колесов* = Колесов А. [Владимир Зелинский]. Неюбилейные размышления // Вестник РХД. 1974. № 112–113. С. 122–141.
15. *Кочетков* = Кочетков Георгий, свящ. Возможная система оглашения в Русской православной церкви в современных условиях. 4-е изд., испр. // Он же. «В начале было Слово» : Катехизис для просвещаемых. М. : СФИ, 2007. С. 5–20.
16. *Ломоносов* = Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санктпетербургской императорской Академии Наук мая 26 дня 1761 года // Он же. Сочинения. М. : Художественная литература, 1957. С. 474–478.
17. *Лосский* = Лосский В. Н. Предание и предания // ЖМП. 1970. № 4. С. 61–76.
18. *Макарий* = Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. Православно-догматическое богословие : В 2 т. Т. 1. Киев : Изд-во им. свт. Льва папы Римского, 2007. 598 с., VI с.
19. *Мейендорф* = Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие. Минск : Лучи Софии, 2007. 384 с.
20. *Михаил* = Михаил (Грибановский), еп. Над Евангелием. СПб. : Сатись, 1994. 256 с.
21. *Мой путь 2003* = Мой путь к Богу и в Церковь : Живые свидетельства 90-х годов XX в. М. : СФИ, 2003. 208 с.
22. *Мой путь 2016* = Мой путь к Богу и в Церковь : Живые свидетельства 2000-х годов. М. : СФИ, 2016. 104 с.
23. *Протокол* = Протокол богословского собеседования между членами Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви Германии с 27 по 29 октября 1959 года // Богословские труды. 1968. Вып. 4. С. 203–216.
24. *Серафим* = Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни с Н. А. Мотовиловым (по записи последнего пространной) // Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. [Б. м.] : Изд-е Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря, 1999. С. 88–117.
25. *Софроний* = Софроний (Сахаров), схиархим. Старец Силуан. 3-е изд. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. 528 с.
26. *Сухова* = Сухова Н. Ю. Священное Писание и Предание в экклесиологии святителя Филарета (Дроздова) // Материалы XIX Ежегодной богослов-

- ской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 105–110.
27. *Талызин* = Талызин В. И. Церковное Предание // Богословские труды. 1968. Вып. 4. С. 221–225.
28. *Традиция* = Традиция святоотеческой катехизации : Основной этап : Материалы международной богословско-практической конференции (Москва — Московская область, 28–30 мая 2013 г.) М. : СФИ, 2014. 296 с.
29. *Филарет* = Пространный христианский катихизис православной католической восточной церкви / Сост. свт. Филарет (Дроздов) ; Предисл., подг. текста, примеч. и указ. канд. ист. наук А. Г. Дунаев. М. : Изд. совет РПЦ, 2006. 168 с.
30. *Флоровский* = Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Предисл. прот. Иоанна Мейендорфа. 4-е изд. Париж : YMCA-Press, 1988. 599 с.
31. *Хомяков 1994а* = Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси // Он же. Соч. : В 2 т. Т. 2 : Работы по богословию. М. : Московский философский фонд : Медиум : Вопросы философии, 1994. С. 25–71.
32. *Хомяков 1994б* = Хомяков А. С. Церковь одна // Он же. Соч. : В 2 т. Т. 2 : Работы по богословию. М. : Московский философский фонд : Медиум : Вопросы философии, 1994. С. 5–23.
33. *Шмеман* = Шмеман Александр, протопр. Об откровении // Он же. Воскресные беседы. Paris : YMCA-Press, 1989. С. 24–36.

Список сокращений

АА	перевод А. А. Алексеева
ИИ	перевод архим. Ианнуария (Ивлиева)
КБ	перевод еп. Кассиана (Безобразова)
ЖМП	Журнал Московской патриархии

Priest Georgy Kochetkov, A. M. Kopirovsky

The Experience of Covering the Topic “The Church’s Holy Scripture and Holy Tradition, Its Scriptures and Traditions” in Teaching Faith to Modern Catechumens

The article is focused on covering the topic “The Church’s Holy Scripture and Holy Tradition, Its Scriptures and Traditions” within the holistic and consistent process of teaching faith to modern adult catechumens. Based on the texts of the New Testament, patristic writings, studies by home and foreign theologians, as well as on the long-term personal catechetical experience, the authors consider the key concepts of this topic and offer their detalisation and systematisation. The article addresses the peculiarities of associating various layers of scripture and tradition with Divine Revelation and the knowledge of God. Possible errors and contradictions of their interpretation are also highlighted. As a result, it is concluded that catechumens need to be introduced into the Church’s Holy Tradition and the Holy Scripture, its holy scripture and tradition, writings and traditions within their internal dynamics and growth, not as into a set of definitions and subjects for rational study.

KEYWORDS: Church, Holy Scripture and Holy Tradition, scriptures and traditions, Divine Revelation, knowledge of God, catechesis.